

УДК 339.3
DOI 10.58649/1694-8033-2024-4(120)-344-350

ЛИТВИНОВ В.П.

И.А.Бунина атындагы Елец мамлекеттик университети Россия Федерациясы

ЛИТВИНОВ В.П.

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Российская Федерация

LITVINOV V.P.

Yelets State University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia

ORCID: 0000-0002-7082-9805; SPIN-код: 3537-7503; Author ID: 739434

"БИР АЛКАК – БИР ЖОЛ" СТРАТЕГИЯСЫНЫН АЛКАГЫНДА КЫТАЙДЫН
НЕГИЗГИ ИЧКИ КӨЙГӨЙЛӨРҮН ЧЕЧҮҮ: БОРБОР АЗИЯ КЫЗМАТТАШТЫГЫ

**РЕШЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ КИТАЯ В РАМКАХ СТРАТЕГИИ «ОДИН
ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР
СОТРУДНИЧЕСТВА**

**SOLUTIONS TO CHINA'S MAJOR PROBLEMS UNDER THE ONE BELT ONE ROAD
STRATEGY: CENTRAL ASIAN VECTOR OF COOPERATION**

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Кытайдын Ички көйгөйлөрү менен «Бир алкак – бир жол» тышкы саясий стратегиясынын милдеттерин шартташтыруу маселеси талданат. Экономикалык өсүштүн басаңдашынын, ашыкча өндүрүштүн проблемаларынын жана өнөр жай кубаттуулуктарынын ашыкчасынын, региондордун диспропорциялуу өнүгүүсүнүн күчөп бараткан тенденциясынын, ошондой эле коопсуздук чөйрөсүндөгү чакырыктардын жана АКШ менен кризистин күчөшүнүн шарттарында Кытай өнүгүүнүн кийинки чоң этабына кылмыш жасоо үчүн жаңы геосаясий стратегияны – НКБП сунуштады, ал 2030 – жылдын башына карата «жалпы жыргалчылык коомун» курууга алып келиши керек, бул өз кезегинде «Кытай кыялы» үчүн башкы салгылашууга – 2050-жылга чейин Улуу Кытай улутун кайра жаратууга киришүүгө мүмкүндүк берет. Автор бул маселелерди Борбор Азия өлкөлөрү менен кызматташуу аспектисинде карайт.

Аннотация: В статье анализируется проблема обусловленности задач внешнеполитической стратегии «Одни пояс – один путь» с внутренними проблемами Китая.

В условиях замедления экономического роста, проблем перепроизводства и избытка промышленных мощностей, усиливающейся тенденции непропорционального развития регионов, а также вызовов в сфере безопасности и нарастания кризиса в отношениях с США Китай предложил новую геополитическую стратегию – ОПОП, для того чтобы приступить к следующему большому этапу развития, который должен привести к новой заветной цели – построению «общества всеобщего благоденствия» к началу 2030 г., что в свою очередь должно позволить приступить к главной битве за «китайскую мечту» – возрождению великой китайской нации к 2050 г. Автор рассматривает эти проблемы в аспекте сотрудничества со странами Центральной Азии.

Abstract: The article analyzes the problem of conditioning the objectives of the «One Belt, One Road» foreign policy strategy with China's domestic problems. In the conditions of slowing economic growth, problems of overproduction and overcapacity, increasing tendency of disproportionate development of regions, as well as challenges in the field of security and growing crisis with the United States, China proposed a new geopolitical strategy – OPOP in order to proceed to the next big stage of development, which should lead to a new cherished goal – to build a «welfare society" by the beginning of 2030, which in turn should allow to start the main battle for the «Chinese dream» – the rise of China's independence, the development of the

«One Belt, One Road». The author considers these problems in the context of cooperation with Central Asian countries.

Негизги сөздөр: Кытай; ички көйгөйлөр; тышкы көйгөйлөр; “Бир алкак – бир жол” стратегиясы.

Ключевые слова: Китай; внутренние проблемы; внешние проблемы; стратегия “Один пояс – один путь”.

Keywords: China; internal problems; external problems; “One Belt – One Road” strategy.

Приход к руководству КНР Си Цзиньпина в 2013 г. повлек за собой ряд крупных изменений во внутренней и внешней политике Китая. Наиболее масштабной внешнеполитической инициативой Китая стал мегапроект «Один пояс – один путь» (Далее: ОПОП). На наш взгляд, ОПОП является частью более масштабной китайской стратегии, которая была сформулирована еще главным архитектором китайских рыночных реформ Дэн Сяопином в далеком 1980 г. Данная стратегия предполагала решение двух основных этапных задач: построение к началу 2020-х гг. «общества малого благоденствия» (сяокан шэкуэй); утверждение в Китае к началу 2030 г. «общества всеобщей зажиточности» (фууюй шэкуэй) [1, с.777]. Решение первой задачи потребовало очень высоких темпов экономического развития, с чем Китай успешно справился. Экономика страны в период 1990-2010 гг. росла со средним показателем 12% в год, что обеспечивало удвоение ВВП страны каждые 5-7 лет [2, с. 622]. За этот период экономика Китая, по данным Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTADstat), выросла более чем в 30 раз [3].

Мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. замедлил темпы роста китайской экономики почти в два раза, приведя их к среднегодовым значениям в 6-7%. Китайское руководство восприняло данную ситуацию как «новую нормальность», и заявило показатель 6-7% роста в год как нижний порог развития экономики на тринадцатую пятилетку (2016-2020 гг.). Несмотря на снижение темпов роста экономики, Китай смог добиться поставленной цели по обеспечению среднедушевого дохода в размере около 10 тыс. долл. в год, что соответствует заявленным параметрам «общества малого благоденствия». Однако пандемия и общий экономический кризис замедлили темпы роста мировой экономики, что не могло не сказаться и на Китае. На 2020 г. та же UNCTADstat фиксирует темпы роста его ВВП только 2,35%, значительно снизились и темпы роста товарного экспорта – 3,6% [3]. По этой причине достижение поставленной цели – построения «общества всеобщей зажиточности» – требует поиска новых решений и новых импульсов развития.

На современном этапе для достижения поставленных целей, по мнению специалистов, Китаю необходимо решить следующие задачи: «динамично развивать внешнюю торговлю, вкладывать капитал в иностранные инвестиционные активы, осуществлять международные инфраструктурные проекты как дополнительные источники ускорения экономического роста» [2, с.624]. Для решения этих задач Китай должен справиться с целым рядом внутренних и внешних проблем. Одной из основных проблем является неравномерность развития внутренних регионов Китая. Зарубежный исследователь Р. Пантуччи полагает, что главной причиной инициативы ОПОП являются хронические экономические и социальные проблемы в центральных и западных районах Китая [4]. На сегодняшний день наиболее развитыми оказались приморские провинции, где создавались особые экономические зоны, куда вкладывались основные средства. Это привело к быстрому развитию этих регионов, в это же время западные и центральные провинции значительно отстали в своем развитии. Эту проблему пыталось решить еще четвертое поколение китайских руководителей во главе с Ху Цзиньтао. Китайское правительство вложило значительные средства в строительство новой транспортной

инфраструктуры, выделяло кредиты и субсидии на строительство новых производственных мощностей, однако на сегодняшний день эти меры не привели к серьезному улучшению условий жизни в этих районах. Новая интеграционная инициатива Китая должна помочь решить проблему неравномерного развития территорий.

К числу таких депрессивных регионов относится Западный Китай. Синьцзян-Уйгурский автономный округ (СУАР) является самой крупной территориально-административной единицей Китая, занимает 15% территории страны, однако здесь проживает только 1,5% населения страны [10]. Несмотря на слабую населенность, из-за географических особенностей регион имеет стратегическое значение для развития отношений с Центральной Азией. Внешняя торговля СУАР на 80% ориентирована на центральноазиатские республики, а главным торговым партнером является Казахстан [5, с.95]. Кроме того, на территории СУАР проживают народы, которые этнически и культурно близки центральноазиатским народам. На сегодняшний день Синьцзян является одним из самых беспокойных регионов Китая, значительная часть населения этого района – мусульмане, не во всем разделяющие основные мировоззренческие принципы ханцев – самой крупной народности Китая (около 92%). В связи с этим в регионе сильны сепаратистские настроения, сложившиеся еще в историческом прошлом. Однако во многом межэтнические и межрелигиозные отношения в этом регионе отягощены современными экономическими и социальными проблемами. Китайское руководство понимает, что решить проблемы региона можно только комплексными мерами. Российские экономисты, на наш взгляд, справедливо полагают, что до 2013 г., когда Си Цзиньпин изложил основные положения масштабной интеграционной инициативы, у Китая, по свидетельству многих экспертов, не было системного видения Синьцзяна [5, с.95]. Очевидно, что сегодня китайское руководство знает, как решить проблему диспропорций в региональном развитии; северо-западные и центральные районы еще обладают значительным потенциалом экстенсивного развития, поэтому новые проекты в рамках ОПОП позволят раскрыть его.

Другая важная проблема Китая – это устаревшие принципы формирования экономической политики. Экстенсивная модель развития Китая, которая еще во многом является доминирующей для экономики этой страны, обеспечивает рост за счет привлечения количественных экономических факторов. Очевидно, что для дальнейшего успешного развития экономики данная модель должна быть изменена на интенсивную форму развития, то есть необходимо перейти к более эффективному использованию ресурсов. Китай уже значительно преуспел в этом, однако, он еще только в начале пути.

Китай в последнее время значительно увеличил выделение средств на образование и науку, наращивая и расширяя возможности НИОКР для разработки инновационных технологий. На сегодняшний день в сфере НИОКР занято уже более 1,5 млн. человек, что сопоставимо с наиболее развитыми странами мира. Китай занимает первое место по количеству поданных заявок на выдачу патентов на изобретения [6, с.80].

Китайское правительство обеспокоено проблемой внедрения новых технологий в производство и транспортировку своих товаров. Значительно расширены возможности «зеленой энергетики». Тот же депрессивный Синьцзян сегодня имеет мощность «зеленых» электростанций 37 млн. кВт.ч, что составляет 40% от общей генерации в регионе [7]. Таким образом, уже почти половина вырабатываемой электроэнергии в Синьцзяне производится с помощью «зеленой энергетики», основная часть вырабатываемой электроэнергии поставляется в центральные и восточные провинции Китая, что отчасти решает и экологическую проблему этих регионов.

Еще одна проблема Китая, которая возникла в ходе его быстрого развития, – высокая энергозависимость. Китай нуждается в диверсификации поставок углеводородов, поскольку существующие маршруты транспортировки сопряжены с большими рисками в плане безопасности и слишком дорогие. На сегодняшний день основные маршруты поставок пролегают через Малаккский пролив – самое узкое место в мировой торговле.

Возможности этого транзитного маршрута обеспечивают 80% китайского импорта и экспорта, однако, главная проблема не в его загруженности. Она состоит в том, что его контролируют не всегда дружественные Китаю страны – Сингапур, Индонезия и Малайзия. Кроме того, самое узкое место (2,5 км) контролирует Сингапур, где находится военно-морская база США, главного геополитического соперника Китая на сегодняшний день. Расширение возможности сухопутного коридора через Пакистан сегодня тоже под большим вопросом. В апреле 2022 г. при очевидном участии американцев был свергнут премьер-министр Имран Хан, который пытался наладить хорошие отношения с Китаем и Россией [8]. Таким образом, у Китая не очень много вариантов развития сотрудничества в нефтегазовой сфере, наиболее перспективным в этом плане регионом является Центральная Азия. Однако важным условием стабильности в регионе является сотрудничество с Россией, которая так же, как и Китай, кровно заинтересована в безопасности этого региона, поскольку так же, как и Китай имеет протяженную границу с Центральной Азией.

Кроме указанных проблем, имеется еще одна, которая, по мнению отдельных экспертов, является главной причиной инициативы ОПОП. Так, российские экономисты пишут: «Огромную роль в разработке проекта сыграли внутренние проблемы экономического развития Китая. Важнейшие из них на сегодня – проявление серьезных признаков перепроизводства в результате замедления темпов экономического роста...» [5, с.95]. Темпы, которыми китайцы заливали свою экономику деньгами, долгое время обеспечивали стабильно высокий рост, однако при либеральной экономической модели это не могло не привести к «перегреву», то есть появлению избыточных мощностей в промышленности. Так, например, на сегодня в сталелитейной промышленности Китая возникли избыточные мощности, сопоставимые с совокупным объемом производства стали наиболее развитых стран – США, Японии и Германии [9]. Подобная проблема возникала и в строительной отрасли. В период бурного развития Китай строил огромное количество объектов инфраструктуры, жилья и дорог, что привело к росту мощностей, обеспечивающих продукцией, необходимой в строительстве. На сегодня данные объемы для решения внутренних проблем уже не нужны. Поэтому проекты в рамках ОПОП направлены на снижение давления избыточных мощностей внутри самого Китая. Китайское правительство надеется задействовать эти мощности при строительстве транспортных коридоров и предприятий в странах, участвующих в проектах ОПОП, – все это значительно повысит спрос на китайские товары. Кроме того, Китай неохотно идет на привлечение местной рабочей силы, поэтому в строительстве и частично на производстве будут работать китайские специалисты и рабочие, что решает проблему безработицы. Для решения проблемы избытка производственных мощностей Китай расширяет рынки сбыта своих товаров, что тоже является одной из основных задач проекта ОПОП. Строительство новых, удобных и быстрых транспортных коридоров обеспечит преимущества китайским товарам и тем самым поддержит производственные мощности Поднебесной.

В последнее время Китай использует новый для себя способ решения проблем перепроизводства и избыточных мощностей, а именно: перенос производства в рамках ОПОП в другие страны. Во многом это связано с удорожанием рабочей силы в самом Китае. Согласно данным, о которых свидетельствует государственная статистика, зарплата в Китае за последние 10 лет выросла в 5-7 раз [10]. Сегодня цена рабочей силы в странах Юго-Восточной и Центральной Азии значительно ниже, чем в Китае, что особенно касается производства среднего и высокого уровня сложности.

Перенос производственных мощностей в не меньшей степени связан с экологической ситуацией в Китае. Передислокация грязных и малоэффективных производств позволит Китаю улучшить экологическую ситуацию. Китай сейчас активно переносит производство из провинции Хэбэй, где находится Пекин и еще несколько крупных городов [10]. Китай уже вывел значительные производственные мощности по производству стали и цемента, а также ряд стекольных предприятий из этой провинции.

Еще одним фактором политики переноса производства стали заградительные пошлины на китайские товары. После того как в ЕАЭС были повышены пошлины, Китай столкнулся с проблемой реализации своей продукции. Таким образом, перенос производства позволяет Китаю убить одним выстрелом нескольких «зайцев» - удешевить производство, улучшить экологию и расширить возможности сбыта своих товаров и услуг. Китай уже подписал несколько пакетных договоров о переносе производства в страны Центральной Азии [11].

Кроме внутренних проблем, решение которых предполагается в ходе реализации инициативы ОПОП, существуют и внешние, угрожающие сохранению стабильных темпов развития экономики. Одна из важнейших угроз – это безопасность. Существующая на сегодня система, основанная на американской гегемонии, не отвечает интересам Китая. Руководство КНР открыто заявляет, что безопасность в Азии должна обеспечиваться азиатскими странами. Китай предлагает концепцию безопасности, основанную на принципах экономического и культурного сотрудничества. Очевидно, что эти принципы имеют в значительной степени декларативный характер. Понятно, что Китай со временем будет вынужден отойти от заявленных принципов невмешательства и выстроит более действенную систему политического взаимодействия со странами в рамках ОПОП. Уже сегодня в отношении отдельных стран, в том числе государств Центральной Азии, Китай перешел к более тесному взаимодействию, включая и военную сферу сотрудничества. Так, например, военные ведомства Китая и Таджикистана в 2015-2016 гг. подписали несколько соглашений, информация о которых является закрытой, – известно только, что они направлены на организацию усилий по борьбе с терроризмом и предполагают поставки военной китайской техники и оборудования [12].

Еще одним фактором внешней угрозы для Китая является усиление влияния радикальных исламских течений и сепаратизм в СУАР. Специалисты считают, что «уйгурский сепаратизм, имея определенные исторические предпосылки, остается для КНР серьезным фактором нестабильности и напрямую угрожает территориальной целостности государства [13, с.177]. В сепаратистских устремлениях уйгуров четко прослеживается религиозный фактор. Большинство политических лидеров сепаратистов использует в своих лозунгах элементы ваххабитской идеологии [14, р.140]. Близость Ферганской долины – главного очага исламского радикализма Центральной Азии, а также общие границы с Афганистаном и Пакистаном позволяют проникать в СУАР радикальной исламской идеологии. Определенная часть уйгуров относит себя к салафитам и имеет налаженные связи с движением Талибан и Исламским движением Узбекистан. Положение осложняется тем, что в сопредельных центральноазиатских республиках есть уйгурские диаспоры, наиболее многочисленная из которых находится в Казахстане – около 260 тыс. [15], что для не очень населенного Казахстана также является фактором нестабильности. По некоторым данным, на территории Казахстана на нелегальном положении действует несколько уйгурских организаций, в частности: Исламская партия возрождения, Организация объединенного национального революционного фронта Восточного Туркестана, Восточнотуркестанский объединенный союз молодежи, Партия освобождения Уйгурстана. Таким образом, уйгурская проблема является не только головной болью Китая, но и в определенной степени может стать спусковым механизмом для необратимых процессов в сфере безопасности во всей Центральной Азии.

Для того чтобы смирить сепаратистские устремления уйгуров, центральное правительство Китая не раз прибегало к жестким мерам в отношении активных членов политических и религиозных организаций. Был принят ряд политико-правовых мер, в частности, запрет на религиозное образование для несовершеннолетних, введение т.н. «социального рейтинга» и ID-карточек для уйгуров. Очевидно, что китайские власти отлично осознают степень угрозы уйгурской проблемы, которая может стать ахиллесовой пятой сотрудничества в рамках ОПОП со странами Центральной Азии, поскольку все сотрудничество завязано на этот беспокойный регион КНР.

В условиях замедления экономического роста, перепроизводства и избытка промышленных мощностей, усиливающейся тенденции непропорционального развития регионов, а также вызовов в сфере безопасности и нарастания кризиса в отношениях с США, Китай предложил новую геополитическую стратегию – ОПОП, для того чтобы приступить к следующему большому этапу развития, который должен привести к новой заветной цели – построению «общества всеобщего благоденствия» к началу 2030 г., что должно позволить приступить к главной битве за «китайскую мечту» – возрождению великой китайской нации к 2050 г. [1, с.760].

Предпринимаемый Китаем проект призван стать системной моделью взаимоотношений между странами в экономической, социальной и культурной областях. Его главная задача – заменить существующую на данный момент модель, которая основана на гегемонии Запада. На сегодняшний день уже очевидны и основные тенденции. С одной стороны, китайский юань реально становится одной из мировых резервных валют, а, с другой – расширяется сфера расчета в национальных валютах. И то, и другое значительно подрывает позиции доллара как мировой валюты. Кроме того, созданы и весьма продуктивно функционируют механизмы финансового сотрудничества в рамках межбанковских объединений, где Китай является главным бенефициаром, а также создана глобальная система контроля и координации инвестиционных средств.

Китай вовлек в сотрудничество большое число стран, в связи с чем сегодня уже можно сказать, что мир, который создал Китай, на порядок больше мира, созданного Западом. Однако одной из слабостей Китая является отсутствие глобальной идеологической платформы, объединяющей страны и народы. Сегодня человечество оделось во все китайское, но продолжает жить и думать по-европейски. Вероятно, у Китая пока нет задачи заставить человечество думать по-китайски. Стратегия ОПОП предлагает мультикультурную модель развития, что, на наш взгляд, себя вполне оправдывает. При этом нельзя утверждать, что это навсегда. Уже сегодня Китай наращивает свое идеологическое и культурное влияние. Китайские специалисты ищут возможности и инструменты, позволяющие расширить это влияние. Китайский исследователь Цзи Юешэн отмечает, что для реализации долгосрочной программы культурной китайской экспансии необходимо решить несколько задач. Во-первых, устранить существующее недоверие и предубеждение к набирающему мощь Китаю. Во-вторых, необходимо укрепить культурное взаимодействие и сотрудничество в глобальном масштабе. В-третьих, предложить мировому сообществу культурное потребление и культурные достижения, альтернативные западным. Юешэн полагает, что главным инструментом культурного влияния должна стать зарубежная китайская диаспора, особый статус которой закреплен в Конституции КНР [16, с.150].

Список использованной литературы

1. Акаев А.А., Садовничий В.А. Математическое измерение мегапроекта «Один пояс – один путь» // Вестник Российской академии наук, 2018, т. 88, №8, с.776-787. – Режим доступа: <https://doi.org/10.31857/S086958730001224-4>
2. Белова И.Н., Егорычева Е.А. Проект «Один пояс – один путь»: предпосылки к формированию современной внешнеэкономической политики Китая // Вестник РУДН. Серия: Экономика, 2020, т. 28, №3, с.620-632. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-620-632>
3. UNCTADSTAT. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>
4. Pantucci R. Looking West: China and Central Asia. Testimony before the US-China // Economic and Security Review Commission, 2015. – URL: <http://chinaincentralasia.com/2015/04/16/looking-west-china-and-central-asia>
5. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии // Государственная

служба, 2018, т. 20, №5, с. 94-100. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-5-94-100>

6. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. – Москва: Форум, 2016.

7. В китайском Синьцзяне наблюдается бум развития «зеленой» энергетики // Рамблерновости. – URL: <https://news.rambler.ru/ecology/44044799-v-kitayskom-sintszyane-nablyudaetsya-bum-razvitiya-zelenoy-energetiki>

8. Падение Имрана Хана: заговор США против Пакистана или внутривнутриполитическая борьба? – URL: <https://eadaily.com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2022/04/18/padenie-imrana-hana-zagovor-ssha-protiv-pakistana-ili-vnutripoliticheskaya-borba>

9. Китайский «План Маршалла» не решит проблему избыточных мощностей // ET | The Epoch Times. – URL: <https://www.epochtimes.ru/kitajskij-plan-marshalla-ne-reshit-problemu-izbytochnyh-moshhnostej>

10. Национальное бюро статистики Китая. – URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>

11. Китай расширяет сотрудничество со странами Центральной Азии // KP.RU. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27508/4769814/>

12. Двустороннее военно-техническое сотрудничество Китая и Таджикистана // Аналитика | Диалог: Таджикистан и мир. – URL: <https://www.dialog.tj/news/dvustoronnee-voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-tadzhikistana>

13. Мавлонова А.С. Ислам в СУАР как фактор политической нестабильности КНР // Вестник РУДН. Серия: Политология, 2018, т. 20, №2, с.176-186. – URL: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-2-176-186>

14. Dharmendra Kumar Shahi. Jihad and Geopolitics: A Case Study of Uyghur Separatism in Xinjiang Internat // International Journal of Applied Social, 2014, p. 136-143.

15. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – Режим доступа: https://stat.gov.kz/for_users/national/2020

16. Цзи Юешэн. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации // Власть, 2017, №10, с.148-154.